

УДК 341.222 (57)

Киреев А.А.

**Трансграничное культурное взаимодействие России
и Китая на Дальнем Востоке в 1988 – 2010 гг.:
социально-экономические факторы
и государственное регулирование**

**Transborder cultural interaction of Russia and China in the Far East
in 1988 – 2010: socio-economic factors and state regulation**

Работа посвящена анализу динамики, тенденций и особенностей культурного взаимодействия российского и китайского общества на территории дальневосточного региона в 1988 – 2010 гг. Исходя из изменений в социально-экономических и политико-правовых условиях данного взаимодействия, автор выделяет в его развитии ряд этапов.

Ключевые слова: *Россия, Китай, российский Дальний Восток, трансграничные отношения, культурное взаимодействие, трансграничная политика, этнонациональные процессы*



Work is devoted the analysis of dynamics, tendencies and features of cultural interaction of the Russian and Chinese society in territory of Far East region in 1988 – 2010. Proceeding from changes in social and economic and politic-legal conditions of the given interaction, the author allocates a number of stages in its development.

Key words: *Russia, China, the Russian Far East, transborder relations, cultural interaction, the transborder policy, ethnonational processes*

Проблемы современных культурных отношений России и Китая не привлекают к себе большого интереса отечественных исследователей. На фоне обширных массивов публикаций, посвященных социально-демографическим, экономическим и политическим аспектам двустороннего взаимодействия, количество работ по данной проблематике сравнительно невелико. На мой взгляд, подобное положение вещей связано не столько с объективными особенностями внутренней структуры российско-китайских отношений, сколько с преобладающим среди их ис-

КИРЕЕВ Антон Александрович, к.полит. н., доцент кафедры теории и истории политики Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток). **E-mail:** antalkir@yandex.ru

Статья подготовлена при поддержке Аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы». Проект 1840 «Нациестроительство, этнос и национализм в формировании многополярного мира: анализ ситуации в АТР»

следователей способом концептуализации «культурного».

Для большинства изучающих культурное взаимодействие двух стран сегодня характерно ценностное и этатистское истолкование последнего. В соответствии с ценностным подходом, культура понимается как область производства и распространения высоких культурных образцов, сфера профессиональной деятельности творческой элиты общества. Согласно этатистской трактовке культурного взаимодействия¹, его основным и ведущим субъектом выступает государство, органы власти, иницирующие, организующие и направляющие международные культурные отношения.

Такой способ концептуализации «культурного» существенно сужает предметное поле исследований российско-китайского взаимодействия в данной сфере и, в конечном счете, способствует их научной маргинализации. Изучение российско-китайских культурных отношений в их реальной сложности и полноте, выявление их действительной значимости, с моей точки зрения, возможно лишь на основе более широкого, антропологического понимания культуры. В антропологическом смысле культура – это образ жизни общества (этноса, нации) в целом, или, иными словами, совокупность устойчивых представлений, ценностей и поведенческих установок, разделяемых, формируемых и используемых множеством составляющих его субъектов, – элитарных и массовых, общественных и государственных.

С этой точки зрения, российско-китайское культурное взаимодействие состоит из потоков представлений, ценностей и установок не только элитарно-профессионального, но и обыденного, «народного» происхождения, и разворачивается одновременно на государственном и негосударственном уровнях. При этом, в последние два десятилетия место основного компонента двусторонних культурных отношений с очевидностью заняли именно «народные» и негосударственные их формы².

Безусловно, внутреннюю дифференциацию культуры и международных культурных связей не следует абсолютизировать. Известно, что элитарный и массовый пласт культуры находятся в отношениях постоянного взаимообмена, интенсивность которого особенно возрастает в эпоху современного информационного общества. Еще более тесная и непосредственная связь существует между государственным и негосударственным секторами культурной жизни. Даже те субъекты и формы культурного производства, распределения и потребления, которые не управляются государственными органами напрямую, не соединены с ними постоянными идеологическими, организационными и финансовыми отношениями, сегодня, как правило, не способны избежать той или иной степени рамочного регулирования со стороны институтов власти. Это тем более касается международной культурной активности негосударственных субъектов. Поскольку данная активность сопряжена с необходимостью пересечения «живыми» и «неживыми» (вещными) носителями культуры границы, постольку она неизбежно становится объектом государственной пограничной (трансграничной) политики.

Подвергаясь регулярному формальному и содержательному воздействию «сверху», негосударственная «народная» культурная жизнь,

¹ О преобладании такой трактовки в отечественных исследованиях культурных отношений России и Китая см.: [30, с. 99 – 106].

² Содержание этих выделенных по разным основаниям составных частей культуры во многом совпадает. Если в государственном секторе культуры преобладающее место принадлежит ее элитарным и профессиональным формам, как объективно более доступным для властного контроля, то большую часть негосударственного сектора образуют «народные» формы культурной жизни, эффективное централизованное управление которыми представляет собой неразрешимую проблему даже для режимов тоталитарного типа.

тем не менее, обычно обладает высокой автономией. Подобного же рода автономия, специфические закономерности и тенденции развития характеризуют и международные культурные отношения этого уровня. В отличие от осуществляющихся под прямым управлением властных органов различных стран и пользующихся их дипломатической поддержкой межгосударственных и надграничных культурных связей, в данной работе они будут обозначаться как межобщественные (в узком смысле) и трансграничные.

Следует отметить важную особенность межобщественных трансграничных культурных отношений, обращающую на себя внимание при их сравнении с межгосударственными связями. Помимо переноса и рецепции отдельных элементов культуры, ее материальных или духовных артефактов, межобщественные отношения в этой сфере, в силу своего потенциально более массового и интенсивного характера, способны приводить к распространению культурного образа жизни в целом, к экспорту идентичностей, и к изменению, тем самым, конфигурации культурных пространств, к корректировке географических ареалов этнических и национальных общностей.

Оптимальной основой изучения массовых трансграничных культурных процессов являются столь же масштабные и регулярные (мониторинговые) эмпирические исследования с использованием социологического инструментария. Однако на РДВ подобные исследования до сих пор проводились довольно редко¹. Поэтому предлагаемый обзор динамики трансграничного культурного взаимодействия России и Китая в пределах территории РДВ носит предварительный характер. Он основан на анализе данных, касающихся не внутреннего содержания, но, главным образом, внешних условий такого взаимодействия, т.е., прежде всего, его социально-экономических факторов² и государственного регулирования. Исходя из них, я постараюсь дать общую периодизацию предмета настоящего исследования в период с 1988 по 2010 гг.

Принятие 1988 г. за начальную веху рассматриваемого в данной работе периода связано с тем, что в этот год в советской пограничной политике на Дальнем Востоке произошли переломные изменения. Государство на практике стало отходить от проводившегося в течение полувека изоляционистского курса, один за другим ослабляя или вовсе убирая барьеры на пути различных форм взаимодействия с сопредельными странами. Важнейшим выражением этого явилось существенное смягчение с августа 1988 г. пограничного режима на Дальнем Востоке и подписание начиная с июня 1988 г. ряда советско-китайских межправительственных соглашений, посвященных вопросам двустороннего сотрудничества в экономической и социальной сферах [9, с. 54; 17, с. 25; 22, с. 423].

Следствием этих и последующих решений стал стремительный рост объемов миграционного обмена дальневосточного региона с Китаем. Если в 1988 г. количество пересечений дальневосточного участка границы двух стран измерялось тысячами, то в 1993 г. оно достигло почти 480 тыс. [10, с. 259; 17, с. 382-385]. Численность одновременно находящихся на РДВ китайцев, составлявшая по переписи 1989 г. 1742 чел., в 1993 г., по оценочным данным, возросла до 100 тыс. чел. [12, с. 81]. Примерно в тех же пропорциях в 1988 – 1993 гг. увеличился и поток пересекавших дальневосточную границу российских мигрантов.

¹ Результаты ряда массовых опросов, касавшихся проблем трансграничного культурного взаимодействия на РДВ см.: [9; 17].

² Слабая обособленность от социально-экономических процессов является одной из черт «народной» культуры, отличающих ее от значительно более независимой от таких процессов культуры элитарной.

С конца 80-х гг. XX в. массовая трансграничная миграция становится главным фактором развития российско-китайского культурного взаимодействия на Дальнем Востоке, оставаясь таковым до сих пор. Перемещения (в основном краткосрочные, маятниковые) через дальневосточную границу туристов, трудовых мигрантов и торговцев послужили предпосылкой для расширения такой формы культурного взаимодействия двух обществ как непосредственная межличностная коммуникация их представителей. На этапе 1988 – 1993 гг. эта коммуникация имела преимущественно стихийный, неорганизованный характер. К концу данного этапа трансграничное культурное взаимодействие с российской стороны практически перестало быть объектом государственного регулирования. Что же касается его косвенного регулирования посредством государственного вмешательства в социально-демографические и экономические отношения РДВ с Китаем, то оно было сведено до минимума, предполагавшего высокую степень открытости границы региона для двусторонних контактов.

Следует отметить, что при всей значимости массовых миграций, они не являлись единственным фактором налаживания российско-китайских культурных отношений в регионе. Уже на этапе 1988 – 1993 гг. еще одной основой развития последних становятся трансграничные потоки потребительских товаров. Ввоз на РДВ больших объемов китайского ширпотреба может рассматриваться не только как экономический, но и как культурный процесс. Диффузия предметов материальной культуры соседнего общества (пусть и во многом обезличенных промышленным изготовлением) на территорию региона по существу приобрело значение особой опосредованной формы российско-китайского культурного взаимодействия. При этом, в отличие от живого общения представителей двух культур, интенсивность их опосредованной, вещной коммуникации сохраняла в дальнейшем заметно бо^{ль}шую устойчивость.

Наиболее важным, на мой взгляд, результатом российско-китайского культурного взаимодействия на РДВ в 1988 – 1993 гг. стало широкое осознание глубины взаимных различий. Если начало данного этапа ознаменовалось заметным всплеском интереса дальневосточников к Китаю, и в т.ч. его духовным традициям, то к 1993 г. на смену ему пришел еще более выраженный рост недоверия населения региона к китайцам, принимавший порой характер иррациональной фобии и способствовавший воскрешению казалось бы ушедшей в прошлое мифологии «желтой опасности». Судя по всему, столь резкие изменения в восприятии соседнего общества были обусловлены не только самим по себе быстрым и плохо контролируемым притоком китайских мигрантов, но и испытанным в прямых контактах с ними культурным шоком. По существу, он стал платой за предшествующую недооценку цивилизационного своеобразия другой стороны, ее ценностной и поведенческой инаковости [17, с. 168; 19, с. 290-298].

Переход к следующему этапу культурного взаимодействия России и Китая на Дальнем Востоке был вызван существенной корректировкой российской пограничной политики в регионе, начавшейся во второй половине 1993 г. Эта корректировка была направлена на общее усиление жесткости функционирования дальневосточной границы, на ее комплексную барьеризацию. Особенно ощутимые изменения в 1993 – 2000 гг. произошли в пограничном регулировании социально-экономических и экономических отношений, уровень жесткости которого повысился с высоко контактного до умеренно барьерного. Так, в сфере социально-демографических трансграничных отношений на этом этапе появился ряд сначала региональных, а затем федеральных и международных нормативно-правовых актов, которые прекращали практику двусторон-

них безвизовых поездок (кроме краткосрочного группового туризма), вводили разрешительный и квотируемый порядок привлечения иностранной рабочей силы, создавали механизмы пограничного и внутреннего иммиграционного учета и контроля и предусматривали меры по борьбе с нелегальной миграцией [17, с. 383-384; 23; 34; 35]. В экономической сфере российскими властями были существенно сужены возможности для ведения бартерной торговли, произведено повышение таможенных пошлин и акцизов и снижены предельные нормативы веса и стоимости для товаров, беспошлинно ввозимых в страну физическими лицами [4, с. 103; 9, с. 58-60; 25].

Несмотря на то, что фактическое ужесточение режима функционирования границы в 1993 – 2000 гг. далеко не в полной мере соответствовало требованиям законодательства, его следствием явилось значительное обмеление человеческих и товарных потоков, шедших из Китая на РДВ. Так, количество въездов граждан КНР через пропускные пункты Амурской области в 1994 г., было в 3,6 раза меньшим, чем в 1993 г. В дальнейшем оно постепенно возрастало, однако и в 2000 г. число китайцев, въехавших на РДВ, не превышало 350 тыс. [6; 9, с. 58]. Численность одновременно находящихся в регионе выходцев из Поднебесной (ввиду несвоевременного выезда многих из них) в этот период некоторое время продолжала расти, но к 2000 г. также снизилась, составив, по оценочным данным, около 80 тыс. чел. [2, с. 10]. Объем торговли РДВ с КНР, упавший в 1994 г. в 4,7 раза, к 2000 г. увеличился до 1125 млн. долл., так и не поднявшись, однако, до уровня 1993 г. (1188 млн. долл.). Вместе с тем, барьерная таможенная политика государства мало сказалась на состоянии официально не регистрируемых «челночных» торговых операций, объем которых на дальневосточной границе в эти годы активно возрастал, достигнув по некоторым оценкам к концу 90-х гг. XX в. 500 – 600 млн. долл. [8; 17, с. 340-344, 364].

Реакцией на усиление со стороны российских властей контроля над трансграничными отношениями и ужесточение условий китайского присутствия на территории РДВ в 1993 – 2000 гг. стало ускорение самоорганизации последнего, его внутреннего структурирования. Среди китайских мигрантов в это время начала формироваться прослойка лиц, въезжающих в Россию для длительного пребывания, на срок от 1 года и более. Это создало предпосылки для образования в регионе устойчиво существующих китайских неформальных сообществ (землячеств, цехов). В эти же годы на РДВ возникают первые формальные (зарегистрированные) общественные организации выходцев из КНР. Аналогичные процессы происходили на данном этапе и в экономической сфере. Выделение из числа представителей китайского бизнеса, торговцев и предпринимателей, сделавших выбор в пользу дальнейшей работы в России, способствовало стабилизации и укрупнению экономической инфраструктуры иммиграции, формированию в регионе постоянно действующих китайских торговых рынков, предприятий и фирм [10, с. 258, 261, 263 – 265].

Сжатие и, вместе с тем, внутреннее структурирование социально-демографического и экономического присутствия китайцев на РДВ не могло не повлечь за собой соответствующих культурных последствий. В 1993 – 2000 гг. культурная жизнь китайской иммиграции в регионе также стала более упорядоченной, получила определенную собственную (отделенную от социально-экономической сферы) организационную и материальную базу. Первые культурные институты мигрантов выполняли главным образом внутренние информационные (газеты) и досуговые (развлекательные заведения) функции. Участие иммигрантских сообществ в двусторонних контактах, и в т.ч. активизировавшихся в эти

годы процесса расширения преподавания языка и культуры Китая в средних и высших учебных заведениях РДВ, было минимальным. Образовательные проекты на территории России осуществлялись в основном по инициативе и на средства китайского государства.

Со стороны российских органов власти, трансграничные культурные отношения по-прежнему регулировались преимущественно косвенным путем, т.е. только в той мере, в какой их динамика определялась административно-правовыми условиями социального и экономического взаимодействия РДВ с Китаем.

Основным итогом этапа 1993 – 2000 гг., на мой взгляд, стало общее снижение широты и интенсивности российско-китайского культурного взаимодействия на территории Дальнего Востока. При этом, рост отчужденности сторон на массовом уровне, прагматизация их отношений, сопровождались внутренним культурным сплочением китайских мигрантов, уплотнением их взаимной коммуникации, что послужило одной из предпосылок последующего формирования в регионе замкнутых этнокультурных сообществ.

Наступление следующего этапа в развитии российско-китайских культурных отношений в регионе, продолжавшегося с 2000 по 2006 гг., было обусловлено приходом к власти в России национально-консервативных сил. Взятый ими курс на рецентрализацию, укрепление суверенитета и безопасности государства нашел выражение в мерах по повышению эффективности умеренно барьерного пограничного регулирования в военно-политической и социально-демографической сферах [26; 36]. Вместе с тем, усиление государственного контроля в этих областях трансграничных отношений сопровождалось заметной либерализацией (до умеренно контактного уровня) условий экономического взаимодействия РДВ с КНР [9, с. 62-68; 27, с. 194-195].

С 2000 по 2005 гг. число въездов китайских граждан на территорию дальневосточного региона России увеличилось с 350 до 445,5 тыс. [6; 31]. К началу 2007 г., по сведениям Ассоциации китайских граждан Владивостока, в регионе одновременно находилось не менее 200 тыс. китайцев [16, с. 150]. Очень высокие темпы роста были свойственны на данном этапе товарообороту между РДВ и КНР: если в 2000 г. его объем составлял 1125 млн. долл., то в 2006 г. – уже не менее 4030 млн. долл. [28].

Помимо пограничной политики Москвы, динамика трансграничных отношений РДВ с КНР в 2000 – 2006 гг. складывалась под сильным влиянием принятой китайским правительством в 2000 г. новой внешнеэкономической стратегией «цзоучуэцуй» («идти вовне») [9, с. 65]. Именно созвучием предусмотренных этой стратегией поощрительных мер действиям российской стороны, направленным на смягчение соответствующих пограничных барьеров, можно объяснить стремительный рост на данном этапе притока в регион рабочей силы и товаров из Китая. Вместе с тем, стимулирующая политика Китая отвечала приоритетам российских властей далеко не полностью, в частности потому, что она способствовала оживлению и нежелательных для них форм миграции китайцев, – прежде всего, связанных с торговой деятельностью.

Быстрое наращивание социально-экономической базы двусторонних межобщественных отношений в 2000 – 2006 гг. само по себе являлось мощным фактором активизации культурного взаимодействия сторон. Другой его детерминантой в эти годы стало расширение вмешательства в эту сферу трансграничных отношений государственных органов обеих стран.

Особенно существенные изменения в этом плане имели место в государственной политике КНР. Безусловно, китайские партийно-государственные структуры (в отличие от российских властей) внима-

тельно следили за содержанием культурных контактов граждан КНР и РФ и ранее. Однако в 90-е гг. трансграничная культурная политика Китая носила в основном барьерной, защитный характер и была нацелена, прежде всего, на предотвращение чуждого политико-идеологического влияния извне. С начала же 2000-х гг., на фоне заметного всплеска интереса китайской научной и политической элиты к концепции «мягкой силы», эта политика приобретает выраженную наступательную, контактную направленность, и более широкое, выходящее за рамки коммунистической идеологии, содержание [1, с. 138-145]. Ярким примером целенаправленных усилий правительства КНР по продвижению китайских культурных ценностей и улучшению международного имиджа страны стал начавшийся с 2004 г. процесс создания им за рубежом институтов и классов Конфуция. В декабре 2006 г. первый институт Конфуция появился и на РДВ, при ДВГУ (г. Владивосток) [15, с. 276-282]. Следует подчеркнуть, что в своем воздействии на культурное сознание массовой зарубежной аудитории власти КНР стремились использовать не только традиционно государственные механизмы, но и каналы «народной дипломатии», и в т.ч. возможности китайских диаспор [16, с. 389-391, 402-403].

Важные перемены в отношении государства к трансграничным культурным процессам произошли в 2000 – 2006 гг. и в России. По существу, на данном этапе они впервые за постсоветский период стали объектом не только косвенного, но и прямого государственного регулирования. Концептуальной основой последнего явилась подписанная президентом в сентябре 2000 г. Доктрина информационной безопасности РФ [7]. Вопреки своему названию, этот насыщенный по содержанию документ определял задачи и направления защиты не только информационного пространства, но и духовного благополучия страны в самом широком смысле. Включение Доктриной в число национальных интересов России в информационной сфере целей «упрочения демократии», «укрепления нравственных ценностей общества, традиций патриотизма и гуманизма» позволяет рассматривать этот документ по сути как попытку создания концепции культурно-идеологической политики государства. При этом ряд положений Доктрины указывал на то, что государственная власть намерена проводить эту политику в активном стиле, как противодействуя пропаганде деструктивных инокультурных ценностей внутри страны, так и оказывая поддержку продвижению российской продукции на зарубежный информационный рынок.

Впрочем, масштабы реальной активности российских властей в регулировании трансграничных культурных процессов (в т.ч. на РДВ) в 2000 – 2006 гг. были значительно скромнее размаха заявленных им планов. Деятельность созданной в рамках реализации Доктрины 2000 г. при полпреде Президента РФ в ДФО специальной Межведомственной комиссии была сосредоточена в основном на обеспечении информационной безопасности региона в узком смысле, т.е. на защите государственно значимых сведений от несанкционированного доступа со стороны иностранных субъектов [11]. На решение этой задачи было направлено проведение в регионе ряда мероприятий организационно-технического и оперативно-розыскного характера. Внутренние меры опирались на определенную международно-правовую базу: в мае 2000 г. правительствами РФ и КНР было подписано Соглашение о взаимном обеспечении защиты и сохранности секретной информации [29]. Главным достижением российской стороны в продвижении отечественной культуры на территории сопредельных стран на этом этапе стало открытие в 2001 г. по договоренности на межправительственном уровне центров русского языка при университетах в Пекине, Шанхае и Харбине [21]. Что же ка-

сается культурной жизни диаспор (российской в Китае и китайской на РДВ), то представители российских властей, в отличие от их коллег из КНР, интереса к ней практически не проявляли.

Объективные социально-экономические процессы и поощрительная политика правительства Китая в 2000 – 2006 гг. способствовали не только численному росту китайской иммиграции на РДВ, но и заметным изменениям в ее внутренней структуре. Прежде всего, среди находящихся в регионе китайцев увеличилась доля лиц, пребывающих в нем длительное время. По данным проводившихся в это время опросов китайских мигрантов, если в 2000 г. более 1 года на РДВ проживали 57,1% опрошенных, то в 2003 г. – уже 78% [10, с. 265]. Даже учитывая явное смещение выборки, связанное с неполной охваченностью наиболее труднодоступной для обследований сезонной частью мигрантов, сама тенденция к росту сроков пребывания китайцев выявляется ими достаточно наглядно. Характерной особенностью данного этапа являлось также значительное выравнивание половой структуры иммиграции. Если в первой половине 90-х гг. среди выходцев из КНР в регионе резко преобладали мужчины (94%), то в 2004 г. их доля снизилась до 60%. По результатам опроса 2005 г., 78% китайцев находились в России с женой (мужем) [9, с. 103; 10, с. 262]. Наконец, на рассматриваемом этапе заметно вырос образовательный уровень китайских мигрантов. Так, по результатам обследования в Амурской области 2004 г. треть опрошенных китайцев имела высшее образование [9, с. 103]. Хотя этот показатель вряд ли можно считать репрезентативным для всех китайцев дальневосточного региона, он в целом отражает происходивший в эти годы процесс повышения веса в составе мигрантов таких социальных категорий как бизнесмены, служащие, преподаватели и студенты.

Стабилизация и укоренение сообщества китайских граждан в регионе, его постепенная трансформация в настоящую диаспору¹, закономерно вели к оживлению культурной жизни мигрантов, к ее дальнейшей институализации. На этом этапе во всех крупнейших центрах юга РДВ (Владивостоке, Хабаровске, Благовещенске, Уссурийске), наряду с неформально действующими общинами появляются официально зарегистрированные китайские общественные организации, представительства администраций городов и коммерческих компаний КНР, помимо прочего берущие на себя функции удовлетворения культурных нужд выходцев из Китая. В регионе начинается выпуск ряда новых периодических изданий на китайском языке. Китайское население приграничных районов РДВ получает доступ к национальному теле- и радиовещанию, к услугам сотовой и Интернет-связи со страной выхода. При этом внутренняя культурная консолидация формирующейся китайской диаспоры и укрепление ее связей с материнским обществом не сопровождалась активизацией такого же рода контактов с принимающей стороной. Напротив, наметившаяся ранее тенденция к комплексной, в т.ч. культурной, самоизоляции («чайнатаунизации») китайских мигрантов на РДВ оставалась в целом неизменной [9, с. 101-104; 10, с. 263-264, 273-274].

Отправной вехой последнего, продолжающегося до настоящего времени, этапа в российско-китайском культурном взаимодействии на Дальнем Востоке стал 2007 г. Этот год ознаменовался общим пересмотром пограничной (и шире трансграничной) политики России, свя-

¹ Учитывая однопоколенную структуру китайской иммиграции в России, некоторые авторы рассматривают ее как «квазидиаспору» [16, с. 154-159]. Соглашаясь с таким определением китайской иммиграции в ее нынешнем состоянии, я исхожу из того, что в данном случае это состояние фактически является этапом в процессе формирования полноценной диаспоры.

занным в первую очередь с попыткой перехода к дифференцированному, избирательному режиму функционирования российских границ в социально-демографической и экономической сферах. Расширяя и усиливая ограничения в отношении коммерческой («челночной») миграции, ввоза в страну ряда категорий потребительских товаров и вывоза из нее некоторых видов сырья (особенно, необработанного леса) [5, с. 139; 9, с. 68-70; 16, с. 262-266; 39, с. 36], правительство РФ, вместе с тем, значительно смягчило условия привлечения в Россию иностранной рабочей силы и инвестиций [3, с. 195-197; 37]. Кроме национального законодательства, новая политика нашла воплощение в ряде специальных двусторонних соглашений между РФ и КНР. Важнейшим среди них стала подписанная в октябре 2009 г. главами правительств двух стран «Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и Северо-Востока КНР (на 2009 – 2018 гг.)». С российской стороны, данная Программа была нацелена на придание социально-экономическому взаимодействию с соседом не только более масштабного, но и более адресного характера, на обеспечение его соответствия долгосрочным приоритетам развития РДВ.

Дифференцирующая и упорядочивающая пограничная политика российских властей (наряду с последствиями мирового экономического кризиса) в 2007 – 2010 гг. оказала в целом сдерживающее влияние на рост объемов идущих в регион из Китая миграционных и товарных потоков. Судя по данным за 8 месяцев 2010 г., количество въездов китайцев на территорию РДВ в этом году так и не превысило показателя 2005 г. Что же касается товарооборота между РДВ и КНР, то с 2006 по 2010 гг. его объем с 4 млрд. долл. вырос лишь до 5,5 млрд. [24; 32].

Однако более важными результатами государственного регулирования явились изменения во внутренней структуре китайского социального и экономического присутствия в регионе. Они были связаны со значительным сокращением в составе китайских мигрантов доли «псевдотуристов» (торговцев, кустарей, официально не зарегистрированных рабочих), а в китайском импорте – объема дешевого ширпотреба «челночного» происхождения [18]. Эти структурные изменения в социально-экономической базе китайского присутствия неизбежно должны были сказаться и на его культурной составляющей.

2007 г. стал поворотным пунктом в развитии не только косвенного, но и прямого регулирования российским государством трансграничных культурных процессов. Именно в 2007 г. в официальных документах внешнеполитического ведомства РФ впервые получила отражение уже давно апробированная в риторике и практике западных и китайских политиков и чиновников концепция «мягкой силы»¹. Это можно рассматривать как свидетельство окончательного отхода российского руководства от узко информационного, когнитивного подхода к работе с общественным сознанием в пользу более широкого, культурно-идеологического. При этом, в отличие от предшествующего этапа, в 2007 – 2010 гг. культурная политика РФ (в т.ч. в отношении КНР) перестала быть по преимуществу декларацией о намерениях, но получила достаточно прочную институциональную и финансовую основу. Не ограничиваясь масштабными, но краткосрочными программами (подобными Годам России и русского языка в Китае), российское правительство в 2007 г. создало специализированный организационный механизм для систематического проведения своей культурной политики на международной арене – Фонд «Русский мир». Одним из основных направлений работы Фонда, филиал которого был открыт и во Владивостоке, стало продвижение российской культуры в Китае [38].

¹ См. статью А. Маклис в этом номере «Ойкумень».

Создание Фонда «Русский мир» повлекло за собой заметное усиление и расширение вмешательства государства в российско-китайское культурное взаимодействие. Однако это вмешательство так и не смогло преодолеть явной однобокости. Российская трансграничная культурная политика по-прежнему направлена главным образом вовне и сосредоточена на уровне отношений органов власти и государственных организаций. Культурные процессы массового уровня, в особенности происходящие на территории самой России, в районах концентрации китайских мигрантов, остаются во основном за пределами ее действия¹.

На этом фоне «мягкая» экспансия в Россию со стороны властей КНР в 2007 – 2010 гг. развивалась более широко и успешно. К концу 2010 г. в России действовало уже 17 институтов Конфуция, а китайский язык изучался в 130 вузах и 20 средних школах [20]. При этом РДВ входил в число регионов, где преподавание китайского языка и культуры развивалось наиболее активно. Свои плоды начала приносить и политика Пекина по актуализации национальной идентичности диаспор и использованию их потенциала в интересах метрополии. Под влиянием стабилизации социально-демографической структуры и укрепления экономического положения дальневосточной китайской диаспоры, ее восприимчивость к исходящим из Китая политическим импульсам возросла. Этап 2007 – 2010 гг. характеризовался заметным повышением активности китайских организаций на РДВ, их постепенным вовлечением при содействии дипломатических представительств КНР в общественную жизнь региона и налаживанием ими определенных контактов с местными органами власти. Вместе с тем, все чаще выступая с различными направленными на улучшение имиджа Китая и его граждан инициативами (особенно благотворительными и образовательными) [13; 14], китайская диаспора на РДВ по-прежнему сохраняет высокую степень замкнутости и недоступности для любого рода неформального, духовного воздействия со стороны вмещающего общества. Такой однонаправленный характер отношений сторон не способствует преодолению социокультурной анклавности китайских мигрантов, не создает условий для их аккультурации, а тем более ассимиляции.

Предпринятая попытка анализа динамики культурного взаимодействия России и Китая на РДВ в 1988 – 2010 гг. позволила обнаружить некоторые его особенности и тенденции. Во-первых, можно констатировать, что на протяжении указанного периода в регионе в основном сложились социально-демографические и экономические условия, необходимые для формирования постоянной и достаточно многочисленной китайской диаспоры. По-видимому, в ближайшие годы, с переходом китайского населения РДВ к более широкому естественному воспроизводству, процесс ее формирования будет завершен. Диаспоризация китайского присутствия в регионе в целом создавала, и будет создавать в дальнейшем, предпосылки для повышения частоты и длительности всех форм межобщественных контактов.

Во-вторых, судя по собранным данным, особенностью формирующейся на РДВ китайской диаспоры стало минимальное использование ею объективного потенциала межобщественного взаимодействия, его прагматизация. При этом наибольшая замкнутость и автономность от вмещающего общества свойственны китайским мигрантам именно в культурной сфере. Активная внутренняя культурная (языковая, информационная и ценностная) консолидация мигрантов и поддержание ими интенсивных связей с материнским обществом, превращает зоны их компактного проживания в анклав, практически не доступные для

¹ Недостаточность внимания Фонда к сфере массовой культуры признается и некоторыми представителями его руководства [33].

процессов аккультурации.

В-третьих, можно утверждать, что наряду с исторически обусловленными глубокими цивилизационными различиями, преобладание в межобщественном культурном взаимодействии тенденции к сепарации и взаимному отчуждению во многом является следствием специфики регулирования этого взаимодействия государственными органами РФ. Трансграничная культурная политика российского государства на Дальнем Востоке вырабатывалась с большим запаздыванием и в значительной степени в качестве «приложения» к его внешнеполитическому курсу. Проблемы управления культурной жизнью китайского населения на территории РДВ, вопросы его натурализации фактически до сих пор остаются за ее рамками. В результате массовое межкультурное взаимодействие в регионе либо сохраняет в основном стихийную форму, либо становится объектом более зрелой и комплексной политики китайских властей.



Литература

1. Абрамов В.А. Глобализующийся Китай: грани социокультурного измерения. М.: Восточная книга, 2010. 240 с.
2. Безруков И.С., Горбенкова Е.В. Перспективы использования азиатской рабочей силы в экономике Дальнего Востока России. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2006. 208 с.
3. Вардомский Л.Б. Российское порубежье в условиях глобализации. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 216 с.
4. Витковская Г., Зайончковская Ж. Новая стольпинская политика на Дальнем Востоке России // Перспективы Дальневосточного региона: межстрановые взаимодействия. М.: Гендальф, 1999. С. 80 – 120.
5. Горчаков В.В. Стратегия развития приграничных отношений России и Китая: взгляд из региона // Взаимодействие России и Китая в глобальном и региональном контексте: политические, экономические и социокультурные измерения. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2008. С. 136 – 143.
6. Деятельность региональных миграционных служб на востоке Российской Федерации. Иркутск, 2006. Электронный ресурс. URL: http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/migration/ [Дата обращения: 10.01.2011 г.]
7. Доктрина информационной безопасности (утв. Президентом РФ 9 сентября 2000 г.) // Совет Безопасности РФ: [сайт]. Электронный ресурс. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/6/5.html> [Дата обращения: 10.11.2010]
8. Дробышева И. Миллиард под боком // Дальневосточный капитал. 2003. № 2. Электронный ресурс. URL: <http://dvkapital.ru/subjnum/2003/0201.asp>. [Дата обращения: 10.11.2010]
9. Забияко А.П., Кобызов Р.А., Понкратова Л.А. Русские и китайцы: этномиграционные процессы на Дальнем Востоке. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2009. 412 с.
10. Загребнов Е. Экономическая организация китайской миграции на российский Дальний Восток после распада СССР // Прогносис. 2007. № 1. С. 252 – 277.
11. Информационная безопасность на Дальнем Востоке оставляет желать лучшего // Хабаровск-новости. 18.10.2002. Электронный ресурс. URL: <http://news.khb.ru/print.php3?news=4857> [Дата обращения: 10.11.2010]

12. Карлусов В., Кудин А. Китайское присутствие на российском Дальнем Востоке: историко-экономический анализ // Проблемы Дальнего Востока. 2002. № 5. С. 76 – 87.
13. Китайские бизнесмены Владивостока хотят поздравить наших ветеранов // Vl. ru. 20.04.2009. Электронный ресурс. URL: <http://news.vl.ru/vlad/2009/04/20/kitajcy/> [Дата обращения: 8.05.2011]
14. Козлов Л.Е., Насакова Б.Б. Российский Дальний Восток как объект внешней культурной политики Японии и Китая // Российский Дальний Восток в Азиатско-Тихоокеанском регионе на рубеже веков: Политика, экономика, безопасность. Вып.2. Владивосток, 2008. Электронный ресурс. URL: http://l-kozlov.narod.ru/text/kozlov_nasakova.doc [Дата обращения: 10.11.2010]
15. Курилова К.А. Проект «Институт Конфуция» в свете новых аспектов российско-китайских культурных отношений // Взаимодействие России и Китая в глобальном и региональном контексте: политические, экономические и социокультурные измерения. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2008. С. 276 – 285.
16. Ларин А.Г. Китайские мигранты в России. История и современность. М.: Восточная книга, 2009. 512 с.
17. Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона: Российско-китайские отношения на рубеже XX – XXI вв. Владивосток: Дальнаука, 2006. 424 с.
18. Ларин В.Л. КНР глазами дальневосточника // Международные процессы. 2010. Т.8. № 1 // <http://www.intertrends.ru/twenty-second/014.htm> [Дата обращения: 18.01.2011]
19. Лукин А.В. Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII – XXI вв. М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. 598 с.
20. Международное обозрение: Результаты Года китайского языка в России и Года русского языка в Китае поистине значительны // Russian.china.org.cn. 22.11.2010. Электронный ресурс. URL: http://russian.china.org.cn/news/txt/2010-11/26/content_21431442.htm [Дата обращения: 8.05.2011]
21. О центрах русского языка в КНР // Посольство России в Китае: [сайт]. Электронный ресурс. URL: <http://www.russia.org.cn/rus/2830/31292089.html> [Дата обращения: 8.05.2011]
22. Петров И.И., Катунцев В.И. На тихоокеанских рубежах. Владивосток: Дальн. кн. изд-во, 1990. 608 с.
23. Постановление Правительства РФ от 8 сентября 1994 г. № 1020 «Об утверждении Положения об иммиграционном контроле» // Система «Гарант».
24. Почти 400 тысяч иностранцев въехало в этом году на территорию Дальнего Востока // ИА PrimaMedia. 8.10. 2010. Электронный ресурс. URL: <http://primamedia.ru/news/08.10.2010/136552/> [Дата обращения: 10.01.2011]
25. Приказ ГТК РФ от 15 августа 1994 г. № 408 «О перемещении товаров физическими лицами через таможенную границу Российской Федерации» // Система «Консультант Плюс»
26. Приказ МВД РФ, МИД РФ, Минтранса РФ, МПС РФ, ГТК РФ и ФПС РФ от 11 ноября 2002 г. № 1095/16531/143/49/1189/692 «О введении в действие миграционных карт» // Система «Гарант»
27. Региональное измерение трансграничной миграции в Россию/ Науч. ред. С.В. Голунов. М.: Аспект Пресс, 2008. 351 с.
28. Рыжова Н.П. Приграничная торговля и интеграция. Китайский и российский подходы. Электронный ресурс. URL: <http://www.hse.ru/data/688/385/1239/%D0%A0%D1%8B%D0%B6%D0%BE%D0%B2%D0%B0%20%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4%20%D0%92%D0%A8%D0%AD.doc> [Дата обращения: 10.01.2011]
29. Соглашение между Правительством РФ и Правительством КНР о взаимном обеспечении защиты и сохранности секретной информации // МИД РФ: [сайт]. Электронный ресурс. URL: http://www.mid.ru/spd_md.nsf/0/A492C27B118C6F9DC325785A003FB2B6
30. Соловьева Е.В. Российско-китайское культурное взаимодействие: к вопросу об историографии проблемы // Ойкумена. Регионоведческие

исследования. 2009. № 1. С. 99 – 106.

31. Сотни тысяч одних китайцев // *Время новостей*. № 108. 21 июня 2002. Электронный ресурс. URL: <http://www.vremya.ru/print/24275.htm> [Дата обращения: 10.01.2011]

32. Товарооборот между Дальним Востоком и КНР в 2010 году вырос почти на \$1 млрд – до \$5,5 млрд. // «РИА Новости». 14. 01. 2011. Электронный ресурс. URL: <http://dv.rian.ru/economy/20110114/81963981.html> [Дата обращения: 18.01.2011]

33. Толорая Г. Работа фонда в Китае продолжится и после закрытия Года русского языка // Фонд «Русский мир»: [сайт]. Электронный ресурс. URL: <http://www.ruskiymir.ru/ruskiymir/ru/publications/comments/comment0024.html> [Дата обращения: 10.01.2011]

34. Указ Президента РФ от 16 декабря 1993 г. № 2145 «О мерах по введению иммиграционного контроля» // Система «Гарант»

35. Указ Президента РФ от 16 декабря 1993 г. № 2146 «О привлечении и использовании иностранной рабочей силы в РФ» // Система «Гарант»

36. Указ Президента РФ от 11 марта 2003 г. № 308 «О мерах по совершенствованию государственного управления в области безопасности Российской Федерации» // Система «Гарант»

37. ФЗ РФ от 18 июля 2006 г. № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» // Система «Гарант»

38. Фонд «Русский мир»: [сайт]. Электронный ресурс. URL: <http://www.ruskiymir.ru/ruskiymir/ru/> [Дата обращения: 10.01.2011]

39. Экспорт лесо- и пиломатериалов с российского Дальнего Востока в Китай // *Устойчивое лесопользование*. 2007. № 4 (16). С. 34 – 39.